

Б. И. БУРСОВ

БЕЛИНСКИЙ О РЕАЛИЗМЕ ПУШКИНА

Белинский — первый теоретик реализма. Он обосновал реализм в русской литературе и исторически и теоретически. Иначе говоря, он раскрыл историческую закономерность возникновения реализма в русской литературе и сформулировал принципы реалистического художественного метода, определил его сущность и структурные особенности, разработал программу развития русской реалистической литературы.

Теория реализма, созданная Белинским, опиралась на весь богатейший опыт русской литературы XVIII и первой половины XIX века. Вот почему Белинский был одновременно теоретиком реализма, историком литературы и литературным критиком.

В разработке и обосновании теории реализма исходным пунктом для Белинского было творчество Пушкина, которого он считал основоположником реализма в русской литературе. Творчество Пушкина он рассматривал как итог всего многовекового развития русской литературы и как источник ее дальнейшего движения вперед. О Пушкине Белинский писал постоянно, на протяжении всей своей литературной деятельности, Пушкину он посвятил и специальный цикл статей, являющихся ценнейшей частью наследия великого критика. Статьи эти представляют и по сей день лучшее истолкование творчества Пушкина. В то же время они имеют громадный общетеоретический и историко-литературный интерес. В них дана в наиболее развернутом виде историко-литературная концепция Белинского и разработаны такие понятия, как «поэт действительной жизни», «народный поэт», «национальный поэт», «мировой поэт», «поэт — выразитель духа своего времени» и т. д.

В нашу задачу не входит подробное изложение взглядов Белинского на Пушкина. В своей значительной части задача эта решена в ряде новейших работ, посвященных теме «Белинский и Пушкин». Мы ставим здесь лишь один вопрос этой большой темы — вопрос о том, как Белинский объяснял историческую закономерность возникновения пушкинского реализма и в чем он видел особенности его.

Из одиннадцати статей Белинского о Пушкине три относятся к предшественникам Пушкина. Разбирая их произведения, Белинский выяснял, как была подготовлена почва для появления Пушкина. Поэтому без анализа, хотя бы и очень сжатого, историко-литературной концепции Белинского невозможно понять его характеристики пушкинского реализма.

Нередко историко-литературные взгляды Белинского излагались так.

Русская литература — не туземное, а пересадное растение. Она зародилась под влиянием западноевропейской литературы, как следствие петровских реформ. Естественно, что русские писатели могли заимствовать на Западе лишь литературную форму, которую они должны были срастить с русским содержанием. Этот процесс сращения продолжался в русской литературе на протяжении более чем столетия и окончательно завершился лишь в творчестве Пушкина. В литературе, предшествовавшей Пушкину, не было гармонического слияния формы и содержания. Форма, заимствованная на Западе, оставалась чуждой русскому национальному содержанию, поскольку это последнее вводилось в русскую литературу. Для преодоления в литературе отчужденности между формой и содержанием необходимо было, во-первых, чтобы русские писатели глубже проникли в сущность русской действительности, а, во-вторых, сообразуясь с ней, произвели бы коренные изменения в самой форме. Только Пушкин вполне овладел русским национальным содержанием и создал адекватную этому содержанию литературную форму.

В работах самого последнего времени начался пересмотр прежних представлений об историко-литературных взглядах Белинского. Выдвигается мысль о том, что высказывания Белинского о подражательном характере русской литературы XVIII века не определяют сущности его историко-литературных взглядов. И это, действительно, так. Но важно не забывать и о том, что высказывания о подражательном характере русской литературы XVIII века не были для Белинского случайными обмолвками. Мы их можем встретить как в его ран-

них, так и в самых поздних статьях. Поэтому мы не можем игнорировать их. Игнорировать их — значит лишить себя возможности до конца разобраться в сложной историко-литературной концепции Белинского, в его взглядах на Пушкина, Гоголя и другие крупнейшие литературные явления той эпохи.

1

Свой взгляд на историю русской литературы Белинский впервые подробно изложил в статье «Литературные мечтания». Здесь он доказывал, что в России «нет литературы» как выражения закономерного развивающегося народного самосознания. Крупнейшие русские писатели здесь были названы «случайными явлениями». «В самом деле, — читаем мы в «Литературных мечтаниях», — *Державин, Пушкин, Крылов* и *Грибоедов* — вот все ее (русской литературы. — Б. Б.) представители; других покуда нет и не ищите их. Но могут ли составить целую литературу четыре человека, являвшиеся не в одно время? И притом, разве они были не случайными явлениями?»¹

Историко-литературные взгляды Белинского развивались и углублялись. Вскоре Белинский признал, что русский народ имеет свою национально-самобытную литературу, которая с течением времени все более глубоко и полно выражала его самосознание. Белинский признал последовательную преемственность в творчестве крупнейших русских писателей от Кантемира до Гоголя, строгую закономерность в развитии русской литературы. И, несмотря на все это, он не отказался от мысли, что Державин, Крылов и Фонвизин были в известном смысле преждевременными явлениями.

Для уяснения историко-литературных взглядов Белинского необходимо остановиться на том, какой смысл вкладывал он в слово «литература».

Понятию «литература» критик придавал огромное значение. Это подтверждается хотя бы его статьей, которая так и озаглавлена: «Общее значение слова литература». В статье утверждается, что в зависимости от степени развития народа он может иметь или словесность, т. е. народную поэзию, или же

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, под редакцией С. А. Венгерова, т. 1, 1900, стр. 393. — В дальнейшем все цитаты из произведений Белинского приводятся по этому изданию (тт. I—XIII, 1900—1948).

литературу. «Произведения словесности, непосредственно выходя из духа народа, носят на себе общий отпечаток этого духа и в содержании и в форме: этим одним и ограничиваются их отношения и связь между собою. Ни одно из них не имеет влияния на другое, ни одно не бывает следствием другого; они являются отдельно, разрозненно, и для них, следовательно, нет истории. Память народа хранит их также отрывочно, не зная их числа, многие из них изменяя, другие забывая совсем» (VI, 528).

Второй признак народной поэзии тот, что «она выражает собою сознание народа, еще не вышедшее из пелен непосредственного, бессознательного созерцания. В произведениях народной поэзии еще нет мысли, а есть только темное стремление к мысли, ее предощущение, предчувствие. И потому произведения народной поэзии не могут возвыситься до художественной формы, в которую может только воплощаться развившееся до *идеи* созерцание. Вследствие этого, народная поэзия одного народа мало и не вполне доступна другому: на ней лежит печать исключительной особенности. Сфера народной поэзии не обширна и не многосложна: пословица, поговорка, параболы, басня, песня, сказка, легенда — эти первые проявления сознания младенческих обществ — вот все, что заключает в себе поэзия, которую называют народною, естественною или непосредственною, и которую еще можно назвать поэтическою словесностию народа» (VI, 527). В противоположность этой последней, литература создается не массой народной, а отдельными лицами, выражающими «свою умственную деятельность различные стороны народного духа» (VI, 520).

Все значительные явления литературы внутренне связаны между собой. Литература, создаваясь отдельными лицами, принадлежит всему обществу. «Под литературою, в точном и определенном значении этого слова, должно разуметь *сознание народа, исторически* выразившееся в словесных произведениях его ума и фантазии, — а так как сознание есть высшее проявление жизни народа, то литература необходимо должна быть его общим достоянием, чем-то таким, что до всех равно касается, всех равно интересует, всем равно доступно. Словом: литература должна быть, в отношении к народу, вместе и сценою и спектаклем, который на ней разыгрывается, а народ, в отношении к литературе, должен быть публикою, которая не сводит глаз со сцены, созерцая представляемое на ней зрелище» (VI, 521).

Идеи подлинной литературы общенациональны; выражая самосознание нации, они оказывают непосредственное и глу-

бокое влияние на ее жизнь. Литература не может обойтись без публики. «Литература всегда опирается на публичность, получает свое утверждение от общественного мнения. Она существует не при свете только уединенной лампы отшельника, или гонимого ученого, но при свете солнца, открыто и явно. Она поддерживается не вниманием только небольшого круга посвященных, составляющих род тайного общества, или избранных любителей, но вниманием всего народа, по крайней мере, в лице его образованных классов. Литература есть достояние всего общества, которое, через нее, обратно получает себе, в сознательной и изящной форме, все то, чему источником было его же собственное непосредственное бытие. Общество находит в литературе свою действительную жизнь, возведенную в идеал, приведенную в сознание» (VI, 520).

Читающая публика, почерпнув определенные идеи из литературных произведений, вносит их затем в жизнь государства и нации. А так как в XVIII, да и в начале XIX века в России к «читающей публике» принадлежали почти исключительно представители господствующего меньшинства и так как только они имели возможность оказать влияние на государственную жизнь, то именно с ними критик и связывал существование и развитие литературы. Критик говорил, что в тот период, когда в жизни народа совершается крутой перелом и народная поэзия переходит в литературу, «... первая остается преимущественно на долю низших, необразованных классов народа, никогда не умирая в его устах, а вторая делается исключительным достоянием высших, образованных классов народа» (VI, 527). Здесь Белинский подошел к чрезвычайно сложному и глубокому противоречию современной ему действительности и литературы, которого он так и не смог до конца разрешить: литература порождается народной жизнью, но в условиях эксплуататорского строя она оказывается мало доступной для самого народа. Перед этим противоречием остановятся затем и Чернышевский, и Добролюбов, и они, так же как и Белинский, не найдут окончательного ответа на вопрос, который их будет волновать. Ответ будет дан В. И. Лениным в статье о Толстом, где он назовет Толстого выразителем интересов и настроений многомиллионного крестьянства и укажет, что это крестьянство очень мало было знакомо с творчеством великого писателя. Представители господствующего меньшинства неизмеримо лучше, нежели народ, знали Толстого, но это вовсе не означало того, что Толстой был «исключительно их достоянием». Как раз наоборот, он вел ожесточенную борьбу против них, оставаясь народным писателем, а задача народа заключа-

лась в том, чтобы завоевать такие условия жизни, при которых ему были бы доступны все достижения человеческой культуры. По Ленину, народ всегда, даже при самых тяжелых условиях жизни, когда он остается темным и невежественным, является единственным творцом культуры.

Белинский, как и все революционные демократы, не преодолел до конца просветительского взгляда на историю. Иногда он высказывал мысль, будто успехи или неуспехи того или иного государства объясняются тем, на какой стадии просвещения находится его население. В связи с этим он в отдельных случаях переоценивал роль так называемых «образованных классов» в культурном и общественном развитии нации в целом.

В работах Белинского 40-х годов материалистические взгляды нередко вступают в противоречие с просветительскими, идеалистическими. Сказав, что литература является «исключительным достоянием высших, образованных классов», Белинский допустил ошибку. Характерно, что несколько раньше, в той же самой статье, он утверждал, что «... внимательный взор легко открывает в литературах новейших народов живое историческое развитие духа тех самых масс, которые, в своем невежестве, и не подозревают существования литературы, выразившей сущность их же собственного нравственного существования» (VI, 525). Белинский-материалист поправляет Белинского-просветителя, но все-таки не снимает противоречивого определения литературы: литература как выражение духовного самосознания народа и литература как исключительное достояние образованных классов.

Национальная литература, согласно концепции Белинского, возникает в тот момент исторического развития нации, когда у последней есть возможность посредством литературы оказывать влияние на установившиеся формы общественной жизни и когда в этом деле, в той или иной мере, принимает участие весь народ. С наступлением такого момента народная поэзия перерождается в литературу. «Если субстанциальное зерно духовной жизни народа попадает на историческую почву и получает возможность развития из самого себя, — тогда естественная поэзия народа перерождается в художественную, его словесность в литературу...» (VI, 527). В России, по мнению Белинского, этого не случилось, и не случилось потому, что «субстанциальное зерно» духовной жизни русского народа перешло из одной стадии в другую не само по себе, а благодаря вмешательству внешних сил. Переломным этапом в истории России Белинский считал реформы Петра.

Белинский-просветитель переоценивал роль личности в истории, роль гения, который будто бы при использовании успехов цивилизации, достигнутых другими странами, может добиться решительного перелома в истории собственной страны, перелома, даже не подготовленного всем предшествующим ее развитием. Так, например, одну из причин трагизма Бориса Годунова Белинский видел в отсутствии у него гения: «... все предприятия его не состоялись именно потому (а не по чему-нибудь другому), что у него был только ум и даровитость, но не было гениальности, — тогда как судьба поставила его в такое положение, что гениальность была ему необходима» (XII, 163). Годунов не был наследным царем, он был «высочкой». Ему надо было доказать свое право управлять страной и народом, надо было доказать, что он выше всех остальных людей. А этого можно было достигнуть только одним способом — повести Россию по новому пути, который был бы несравненно лучше старого: «Ведя Русь по старой колее, он сам не мог не споткнуться на этой колее, потому что старая Русь не могла простить ему того, что видела его боярином прежде, чем увидела царем своим. Чтоб утвердиться самому на престоле и упрочить его за своим потомством, — ему надо было преобразовать, перевоспитать Русь, внести в ее жизнь новые элементы. Но для этого у него не было никакой идеи, никакого принципа. Он был только умнее своего времени, но не выше его» (XII, 163—164).

Годунову Белинский противопоставляет Петра, как гениального реформатора, который оказался и умнее и выше своего времени. При этом сопоставлении Белинский упускает из виду различие исторических условий в эпоху Годунова и в эпоху Петра. Будь Годунов гением, рассуждает Белинский, он не оказался бы лицом трагическим и его царствование ознаменовалось бы новой эпохой в истории России.

Так рассуждает просветитель. Материалист поправляет его. Оставаясь на материалистических позициях, Белинский показывает, что Петр I, обладавший гениальностью, не совершил никакого чуда, что он лишь выполнил необходимое историческое дело. В другой статье о Петре Белинский говорит, что «Петр явился во-время» (VI, 192), т. е., иначе говоря, когда в нем настала потребность. «Из ничего не бывает ничего, и великий человек не творит своего, но только дает действительное существование тому, что прежде него существовало в возможности» (VI, 183). Сам Петр — явление историческое и национальное. Он был возможен только в России и только в определенный период ее исторического развития. «Если бы

русский народ не заключал в духе своем зерна богатой жизни, — реформа Петра только убила бы его насмерть и обессилила, а не оживила и не укрепила бы новой жизнью и новыми силами. Мы уже не говорим о том, что из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Петр: только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ» (VI, 183). Петр, как мудрый руководитель России, мог быть выдвинут только Россией. Следовательно, Россия, выдвинув Петра, достигла уже той стадии своего развития, когда она способна была преодолеть исторически сложившиеся недостатки в укладе своей государственной жизни. В экономическом и политическом отношении Россия, в сравнении со странами Западной Европы, была отсталой страной. Причина отсталости России — татарское иго, в течение целых столетий подавлявшее творческую жизнь в стране. Смысл петровских реформ в том и заключался, что они избавляли страну от тяжких пережитков татарского ига. В русском народе были для этого и силы и возможности. Великая жизнеспособность его была давно и много раз доказана. Он мог сделать все необходимое своими собственными силами, но за ним оставалось право использовать весь исторический опыт западноевропейских народов.

Свои материалистические рассуждения в отношении петровской эпохи Белинский все же не доводит до конца. В некотором смысле Петр так и остался для него царем-героем, усилиями одного своего гения оторвавшим Россию от ее прошлого, а реформы Петра — искусственным вмешательством отдельной личности в исторический процесс.

2

Исходя из своего определения литературы и понимания сущности петровских реформ, Белинский утверждал, что перед русской литературой от эпохи Петра и вплоть до появления первых зрелых произведений Пушкина стояли две задачи: во-первых, она обязана была правдиво изображать современную ей национальную русскую действительность, во-вторых, стремиться к тому, чтобы стать искусством в полном значении этого слова.

Проблема формы для русской литературы XVIII и первой четверти XIX века действительно имела огромное значение. И Белинский глубоко прав, указывая на это. Ошибка его заключается только в том, что он иногда рассуждая как просветитель, отрывал задачу выработки литературной формы от

задачи все более широкого охвата национального содержания и все более глубокого проникновения в него. Подходя к решению вопроса с материалистической точки зрения, Белинский приходил к выводу, что русские писатели тем больших успехов достигали в отношении выработки поэтической формы, чем последовательнее и решительнее боролись за правдивое, истинное воспроизведение окружающей жизни.

Противоречивое истолкование русского историко-литературного процесса Белинский полностью не преодолел и в своих самых последних статьях. Поэтому противоречивы и его взгляды на многих писателей допушкинской эпохи. Карамзина Белинский называет главой целого периода в развитии русской литературы. Характерно, что заслугу Карамзина Белинский видит прежде всего в пропаганде им в России западноевропейской литературы. Он не признает за его повестями никакого художественного достоинства. «... Никто, — говорит он, — не будет читать их как художественные произведения, ради эстетического наслаждения, никто не будет ими восхищаться...» (XI, 217). И несколько ниже: «... для всех мыслящих людей ясно, как день божий, что творения Карамзина могут теперь составлять только более или менее любопытный предмет изучения в истории русского языка, русской литературы, русской общественности, но уже нисколько не имеют, для настоящего времени, того интереса, который заставляет читать и перечитывать великих и самобытных писателей. В сочинениях Карамзина все чуждо нашему времени — и чувства, и мысли, и слог, и самый язык. Во всем этом ничего нет нашего, и все это навсегда умерло для нас» (XI, 222). Белинский приравнивал оригинальные повести Карамзина к тем, что переводились им с западноевропейских языков. «Переводом повестей Мармонтеля и некоторых повестей Жанли Карамзин оказал русскому обществу столь же важную услугу, как и своими собственными повестями. Это значило ни больше, ни меньше, как познакомить русское общество с чувствами, образом мыслей, а следовательно и с *образом выражения* образованнейшего общества в мире» (XI, 218).

Истинно национально-самобытными русскими художниками в XVIII веке для Белинского являлись Державин, Крылов, Фонвизин.

Сопоставляя Крылова и Карамзина, Белинский пишет. «Басни Крылова давно уже пережили творения Карамзина; они будут читаться до тех пор, пока русское слово не перестанет быть живою речью живого народа... Такого великого и самобытного таланта, каков талант Крылова, было бы доста-

точно для того, чтобы ему самому быть главою и представителем целого периода литературы...» (XI, 224).

Очень высоко оценивал Белинский Державина и Фонвизина. Тем не менее и Крылов, и Державин, и Фонвизин оставались всегда для Белинского в известном смысле преждевременными явлениями. В статьях о Пушкине, крупнейшем и самом глубоком историко-литературном сочинении Белинского, мы встречаемся с такими формулировками относительно Державина и Фонвизина: «... поэзия Державина есть безвременно явившаяся, а потому и неудачная поэзия пушкинская, а поэзия пушкинская есть во-время явившаяся и вполне достигшая своей определенности, роскошно и благоуханно развившаяся поэзия державинская» (XI, 340). И в другом месте: «Кроме Державина, в это время был Фонвизин — первый даровитый комик в русской литературе, писатель, которого теперь не только чрезвычайно интересно изучать, но которого читать есть истинное наслаждение. В его лице русская литература как будто даже преждевременно сделала огромный шаг к сближению с русской действительностью: его сочинения — живая летопись той эпохи» (X, 392).

Считая Державина и Фонвизина *безвременно* или *преждевременно* явившимися, Белинский имел в виду и значительность задач, решавшихся этими художниками, и невозможность для того времени решить их в полном объеме. Литература возникает из потребностей самой действительной жизни, но уровень первой зависит от уровня второй. Говоря о процессе формирования в России литературы как искусства, как поэзии, Белинский подразумевал именно реалистическую литературу. Он был непреклонным борцом за реализм, и он был убежден, что для утверждения реализма в России в XVIII веке не было всех необходимых условий. Главным препятствием в этом плане было недостаточное развитие общественной жизни в России той эпохи. «Повторяем не раз уже сказанное и, смеем надеяться, доказанное нами, — замечал Белинский, — что, при всей огромности таланта, который мы и не думаем отрицать, и пред которым мы умеем благоговеть больше, нежели все крикуны и лицемеры, вопиющие против нас — Державин не принадлежит к тем вечно-юным гениям, которых создания никогда не стареются, всегда новы и интересны. Поэзия Державина была блестящею и интересною попыткою, для успеха которой не были готовы ни русское общество, ни русский язык, ни образование самого поэта. Это поэзия, носящая на себе все родовые признаки своего времени, а потому, для нас, русских, имеющая свой исторический интерес; но как

время этой поэзии, так и сама эта поэзия чужды всякого действительного и определенного идеального содержания, которое дается только сильно развитою народною жизнью» (XI, 332—333).

Белинский рассматривал поэзию Державина в двух аспектах: по отношению к последующей и по отношению к предшествующей литературе. В первом случае подчеркиваются преимущественно недостатки поэзии Державина, во втором — преимущественно достоинства ее. Недостатки державинской поэзии обусловлены тем, что во времена Державина «не было общества», достоинства — тем, что тогда «оно зарождалось». «... Державин уже имел перед Ломоносовым большое преимущество и со стороны содержания для своей поэзии, хотя он был человеком без образования, не только без учености. Поэтому, поэзия Державина далеко разнообразнее, живее, человечнее со стороны содержания, нежели поэзия Ломоносова. Причина этого не в том только, что Ломоносов был больше превосходный стихотворец, нежели поэт, тогда как Державин от природы получил поэтический гений, но и в сравнительном успехе общества времен Екатерины Великой перед обществом времен императриц Анны и Елизаветы» (X, 392).

Этапы развития русской литературы отражают этапы духовной жизни нации.

Писатели, которых Белинский называл «преждевременными явлениями», сказываются, в его же истолковании, истинными деятелями русской литературы. Они овладевали русским национальным содержанием, они разрабатывали национально-самобытную литературную форму. Между ними была последовательная творческая преемственность. Особенное внимание Белинский обращает на две черты в их произведениях: на элементы народности и на определенную близость к современной им действительной жизни. Еще в «Литературных мечтаниях» по поводу стихов Державина говорится, что «в них видна практическая философия ума *русского*; посему главное отличительное их свойство есть *народность*, народность, состоящая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи. В сем отношении *Державин* народен в высочайшей степени» (I, 339—340). Крылов еще более народен. На прямую творческую связь этих двух художников Белинский указывает в статье пушкинского цикла. Здесь утверждается, что «... *народность*, которая только проблескивала и промелькивала временами в сочинениях Державина, .. в поэзии Крылова явилась главным и преобладающим элементом» (XI, 224).

Пушкина Белинский объявил первым русским народным поэтом и первым «поэтом действительной жизни» в России. Тем самым Белинский устанавливал прямое творческое родство между Пушкиным, с одной стороны, Державиным, Фонвизиным и Крыловым, с другой. Но, будь возможность у Белинского говорить о Радищеве, он, безусловно, отнес бы его к ближайшим и крупнейшим предшественникам Пушкина. Никто из русских поэтов и писателей XVIII и начала XIX века не был столь близок к народу и к действительности, как Радищев.

По мысли Белинского, Пушкин был рожден прежде всего эпохой 1812 года. «Время от 1812 до 1815 года было великою эпохой для России. Мы разумеем здесь не только внешнее величие и блеск, какими покрыла себя Россия в эту великую для нее эпоху, но и внутреннее преуспеяние в гражданственности и образовании, бывшее результатом этой эпохи. Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года. С одной стороны, 12-й год, потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил, чувством общей опасности сплотил в одну огромную массу косневшие в чувстве разъединенных интересов частные воли, возбудил народное сознание и народную гордость, и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения; кроме того, 12-й год нанес сильный удар коснеющей старине... С другой стороны, вся Россия, в лице своего победоносного войска, лицом к лицу увиделась с Европою, пройдя по ней путем побед и торжеств» (XII, 88—89).

«Вся Россия» — это значит прежде всего народная масса. Народ победил Наполеона — эта истина прочно вошла в сознание передовых представителей «образованных сословий», что явилось основной причиной зарождения декабристского движения. Сам народ не принимал в нем участия, но оно стало возможным лишь вследствие того, что Отечественная война 1812 года раскрыла перед всем миром и величие, и весь ужас положения его.

И как одно из последствий войны: «явился Пушкин» (XII, 89).

В гении Пушкина Белинский видит воплощение гения народа. Белинский потому и смог дать такое глубокое истолкование творчества Пушкина, что он первый из критиков поставил это творчество в связь с историческим путем русского

народа и с его исторической судьбой. О народности Пушкина говорили и до Белинского, но никто не связывал вопроса о народности великого поэта со всем комплексом вопросов, касающихся прошлого, настоящего и будущего всей страны.

Величие Пушкина — это и величие его эпохи. Но как эпоха Пушкина связана со всеми предшествующими эпохами в жизни русского народа, так и сам Пушкин связан со всей предшествующей русской литературой.

Пушкин выразил могучий дух народа. Естественно, что его истинными предшественниками могли быть только те поэты, которые стремились поставить и решить задачу, оказавшуюся по силам Пушкину.

Такова, с нашей точки зрения, основная тенденция в историко-литературных взглядах Белинского. Она, как видим, сводится к раскрытию закономерности становления реализма в русской литературе.

3

Белинский рассматривал допушкинскую русскую литературу не только под углом становления в ней реализма, но и под углом формирования ее как искусства. Вообще говоря, постановка этого вопроса глубока и правильна. Петровская эпоха — водораздел в развитии русской культуры. Вследствие петровской реформы, подготовленной всем ходом исторического развития России, на основе древней русской культуры стала складываться новая русская культура, новая русская литература, которая должна была стать одним из важнейших средств воспитания широких читательских масс. Но для этого ей необходимо было выработать такие свойства, благодаря которым она была бы доступна широким читательским массам по своей форме и представляла бы для них интерес своим содержанием. *Публичность* — это необходимейшее качество литературы. Но это качество только вырабатывалось литературой XVIII века. Весьма значительных, может быть, наибольших успехов в этом отношении добился Карамзин. Он был издателем первого русского литературного журнала. «Он, — по словам Белинского, — создал русскую публику, которой до него не было: — под «публикою» мы разумеем известный круг читателей» (XI, 222). Именем Карамзина «... началась новая эпоха русской литературы. Преобразование языка отнюдь не составляет исключительного характера этой эпохи, как думают многие. Как бы ни была велика реформа, произведенная кем-нибудь, или сама собою происшедшая в языке, — она никогда не может быть

фактом особенной важности. Язык, взятый сам по себе, есть только посредствующий материал, и его движение может быть только формальное. Но всегда важно движение языка вследствие движения мысли... Карамзин ввел русскую литературу в сферу новых идей...» (XI, 216).

Но что же это за идеи? Они отнюдь не самостоятельно выработаны Карамзиным, а заимствованы им из западноевропейской литературы. Карамзин «научился у французов мыслить и чувствовать, как следует образованному человеку» (XI, 218). Карамзин ввел русскую литературу в круг идей буржуазного Запада, которые могли удовлетворить запросы и требования лишь определенных слоев господствующих классов. Русскому народу идеи Карамзина были чужды. И Белинский решительно заявляет, что в Карамзине *нет ничего нашего*.

Оценка Карамзина — один из блестящих примеров диалектического подхода Белинского к решению сложных вопросов развития литературы. Карамзин достиг определенных успехов в деле создания читающей публики в России. Он достиг этого прежде всего тем, что стал изображать частную жизнь частных людей. Белинский и называет один из периодов в развитии русской литературы карамзинским периодом главным образом потому, что Карамзин придал литературе характер публичности. В деле же разработки самой системы изображения русской литературой русской жизни Белинский, в сущности, не признает за Карамзиным никаких заслуг.

Из всех высказываний Белинского о Карамзине можно заключить, что критик отлично понимал то, почему именно Карамзину в наибольшей степени удалось привить свойство публичности русской литературе. Идеологически Карамзин ориентировался на наиболее грамотные, т. е. на привилегированные слои населения. Затем, он пользовался разработанными западноевропейской литературой приемами, очень мало заботясь об оригинальной национально-самобытной художественной системе.

Оценка Карамзина — частное выражение общей точки зрения Белинского на взаимоотношение русской и западноевропейской литературы.

Некритическое отношение Карамзина к Западу лишило его возможности создать национально-самобытные художественные произведения. Белинский отмечает, что вредное влияние Запада испытали и некоторые другие русские писатели. Говоря о Ломоносове, Белинский указывает, что одна из главных его задач, как поэта, состояла в борьбе с различными течениями западноевропейских литератур. О Державине Белинский ска-

зал однажды (в «Литературных мечтаниях»), что его спасло невежество. Через год Белинский уточнил свою мысль. В статье «Ничто о ничем» он заявил: «Я однажды высказал, или, лучше сказать, повторил чужую мысль, что *Державина спасло его невежество*: отрекаюсь торжественно от этой мысли, как совершенно ложной. Державин не был учен, но находился под влиянием современной ему учености, разделял верования и мнения своего времени об условиях творчества и, на зло своему гению, всю жизнь свою шел по ложному пути. Поэтому, те из его созданий, которые противоречили современной ему эстетике, отличаются истинною поэзиею... Державин шел путем слишком тесным: он льстил современности, нападал на интересы частные, современные, и редко прибегал к интересам общим, никогда не стареющим, никогда не изменяющимся — к интересам души и сердца человеческого! И в этом виновата ученость века, которой он был непричастен, но под влиянием которой он всегда находился» (I, 339, 340). Белинский оставался при убеждении, что хотя Державин и не являлся человеком образованным, но в то же время был в постоянной зависимости от общепринятых, т. е. характерных для дворянско-буржуазного общества, взглядов на задачи литературы и искусства. В этом смысле и надо понимать слова Белинского о Державине: он «на зло своему гению всю жизнь свою шел по ложному пути», «он льстил современности». Именно те произведения Державина, которые поэт создавал, вступая в противоречие с «современной ему эстетикой», т. е. эстетикой, завезенной с Запада, «отличаются истинной поэзиею».

Русская литература, развиваясь в ряду других литератур мира, не могла и не должна была изолироваться от них. Это, впрочем, относится и к литературам всех других стран. Но у русской литературы, как и у всякой другой, есть свой особый путь, неразрывно связанный с историческим путем русского народа. Здесь и надо искать те закономерности, которые определяют весь ход ее развития. Успех русской литературы зависел прежде всего от того, насколько полно, глубоко и верно будет выражать она самосознание русского народа. Что касается ее отношений с литературами других стран, это уже вопрос второго порядка, который не является определяющим для судеб русской литературы.

Западноевропейская литература была неоднородна. Общение с ее крупнейшими прогрессивными представителями сказывалось плодотворно на развитии русской литературы, общение с реакционными течениями в западноевропейской литературе тормозило это развитие. Эту диалектику взаимоотношения

русской и западноевропейской литератур учитывал не один Белинский. Так, Пушкин, постоянно отмечавший громадное значение Шекспира для мировой литературы, в том числе и для русской, в то же время резко отрицательно относился ко многим западноевропейским писателям и указывал на то, что некоторые русские писатели, подражая им, впадали в полнейшее ничтожество. В черновой заметке «О французской словесности» (1822), называя подражателями ее Дмитриева, Карамзина и Богдановича, он устанавливает «вредные последствия» этого подражания: «манерность, робость, бледность». И Пушкин восклицал: «как можно ей (французской словесности. — Б. Б.) подражать». Пушкин призывает русских писателей идти своим, самобытным путем, опираясь на традиции национальной литературы и народной поэзии: «... есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.»¹ В 1834 году Пушкин работал над статьей «О ничтожестве литературы русской». Статья осталась незаконченной. Из плана ее видно, что Пушкин намерен был в ней со всей силой обрушиться на отрицательное влияние на некоторых русских писателей, в первую очередь на Карамзина и карамзинистов, все той же французской словесности. Пушкин писал: «... бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корня дубов, Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, М-de Жанлис — овладевают русской словесностью. Sterne нам чужд, за исключением Карамзина».²

Тезис Белинского о том, что русская литература является не туземным, а пересаженным растением, оказывается предрассудком, характеризующим исторически ограниченную, слабую сторону его мировоззрения. Вопрос об отношении русской литературы к западноевропейской Белинский решал во всей его исторической сложности. Ко всему сказанному следует добавить, что, решая этот вопрос, Белинский вел систематическую борьбу с низкопоклонством отдельных русских писателей, связанных с господствовавшей верхушкой, перед дворянско-буржуазной западноевропейской литературой. Либерально-буржуазное литературоведение, демагогически используя ошибочные положения в статьях Белинского, на протяжении многих десятилетий изображало его проповедником зависимости русской литературы от западноевропейской. В этом нет ничего удивительного. Удивительно то, что глубоко ошибочные

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 191, 192.

² Те же, т. XI, стр. 495—496.

представления об истолковании Белинским отношения русской литературы к западноевропейской держались до недавнего прошлого в советском литературоведении.

Изложенные взгляды Белинского на русскую допушкинскую литературу нашли свое прямое отражение и в его взглядах на Пушкина. Белинский не раз заявлял, что Пушкин является поэтом формы по преимуществу. И в этом его заявлении заключен глубокий, хотя и противоречивый смысл. Между тем некоторые исследователи пытаются затушевать этот вопрос. Их смущает формула: «Пушкин, по преимуществу, поэт формы». Им кажется, что это звучит формалистически, и они пытаются оправдать Белинского. Они говорят, что Белинский не отрывал формы от содержания, что в его истолковании форма всегда содержательна. А раз так, значит его определение — «Пушкин, по преимуществу, поэт формы» — ничего ошибочного в себе не содержит. Но тут возникает вопрос: почему именно Пушкина Белинский называет поэтом формы по преимуществу, а не Гоголя, не Лермонтова и т. д.?

Пушкинское творчество было для Белинского итогом развития всей русской литературы. Именно — *всей*. Вспомним начало его четвертой статьи пушкинского цикла:

«Великие реки составляются из множества других, которые, как обыкновенную дань, несут им обилие вод своих. И кто может разложить химически воду, например, Волги, чтоб узнать в ней воды Оки или Камы? Приняв в себя столько рек, и больших и малых, Волга пышно катит свои собственные волны, и все, зная о ее бесчисленных похищениях, не могут указать ни на одно из них, плывя по ее широкому раздолью. Муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя, как свое законное достояние, и возвратила их миру в новом, преображенном виде. Можно сказать и доказать, что без Державина, Жуковского и Батюшкова не было бы и Пушкина, что он их ученик; но нельзя сказать, и еще менее доказать, чтоб он что-нибудь заимствовал от своих учителей и образцов, или чтоб где-нибудь и в чем-нибудь он не был неизмеримо выше их» (XI, 331).

Мы привыкли к этим замечательным строкам Белинского, но воспринимаем их по преимуществу с эмоциональной стороны — как выразительный образ. Между тем необходимо раскрыть историческое и смысловое значение этого образа. Всем своим анализом русского литературного процесса Белинский показал, что русская литература допушкинской поры не была однородна. В ней боролись различные идейно-художественные течения.

ственные направления. В частности, несомненно, что Карамзин противостоял Радищеву, что поэзия Жуковского резко отличалась от поэзии Крылова и т. д. Такие писатели XVIII века, как Крылов, Фонвизин, а в особенности Радищев, глубоко проникали в суть своей эпохи, выражали в своих произведениях дух ее, самосознание народа, между тем как в художественных произведениях Карамзина *не было ничего нашего*. В числе предшественников и учителей Пушкина Белинский называет и Жуковского, который, подобно Карамзину, был очень далек от передовых идей эпохи. Перечислив лучшие произведения Жуковского, Белинский тут же отметил, что «многие из этих пьес уже не могут иметь такого интереса, какой имели прежде, и не могут читаться с таким восторгом и упоением, с какими читались прежде; но причина этого заключается совсем не в таланте Жуковского, а в содержании и духе этих пьес. У всякого времени есть своя задушевная дума, то радостная, то тяжелая; есть свои потребности и свои интересы, а потому и своя поэзия. Неувядаемость поэзии каждой эпохи зависит от идеальной значительности этой эпохи, от глубины и общности идеи, выраженной ее исторической жизнью. Долее всех живут такие произведения искусства, которые во всей полноте и во всей силе передают то, что было самого истинного, самого существенного и самого характеристического в эпохе. Все же, что не выполняет этих условий, или выполняет их неудовлетворительно, — все такое теряет свой интерес в другую эпоху и мало-помалу на веки смывается волнами шумно несущейся жизни. И немного, слишком немного выносится наверх волнами этого глубокого и безбрежного океана, и как много тонет в его бездонной глубине!..» (XI, 287).

Большинство произведений Жуковского не пережило своей эпохи, так как в них не была раскрыта сущность ее.

Как же, с точки зрения Белинского, Пушкин мог одновременно использовать творческий опыт таких разных писателей, как Радищев и Карамзин, Крылов и Жуковский?

Суть дела в том, что, с точки зрения Белинского, русская литература на протяжении всего XVIII и первой четверти XIX века находилась в процессе становления, как литература общенационального значения и звучания. Она не могла стать общенациональной литературой, не выработав метода изображения частной жизни частных людей, не произведя серьезных изменений в литературном языке (в первую очередь, в смысле сближения его с разговорным языком), не создав периодических органов, где бы могли печататься литературные произ-

ведения, не образовав определенных кругов читающей публики с определенными вкусами, требованиями, мнениями и суждениями и т. д. Эти задачи решала вся русская литература, их решали и Радищев, и Карамзин. Как уже отмечалось, Белинский видит серьезные заслуги Карамзина в повороте внимания литературы к частной жизни частных людей, в создании в России читающей публики, в том, что он положил начало изданию литературных журналов. Не меньшие заслуги имеет Карамзин, как один из преобразователей русского литературного языка. Гениальные труды товарища Сталина по вопросам языкознания дают нам возможность по-новому подойти к вопросу о роли и значении Карамзина в этом отношении, по-новому раскрыть многие высказывания Белинского о Карамзине. Товарищ Сталин указывает: «Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан, как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык. Ввиду этого служебная роль языка, как средства общения людей, состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать все общество, все классы общества. Этим собственно и объясняется, что язык может одинаково обслуживать как старый, умирающий строй, так и новый, поднимающийся строй; как старый базис, так и новый, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых».¹

Карамзин, участвуя в разработке русского литературного языка, выполнял определенное задание своего класса. Тем не менее, эта работа, в которой, как и в художественном творчестве, обнаружилась его классовая ограниченность, была на пользу всей нации. Создание русского литературного языка было общенациональным делом. Все это давало основание Белинскому отнести Карамзина к предшественникам Пушкина.

Значение Радищева для истории русской литературы вообще, для Пушкина в частности, несоизмеримо со значением Карамзина. Радищев поднялся на такую идейную высоту, что в этом отношении он был примером для передовых русских

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 5—6.

писателей на протяжении многих десятилетий. Радищев решал задачи, не идущие ни в какое сравнение с теми, что решались Карамзиным. Радищев ставил в своих произведениях вопросы о судьбах страны, он был защитником интересов народа, борцом за его счастливое будущее. У него были и единомышленники, и почитатели, и читатели. На умы современников он оказывал чрезвычайно глубокое воздействие. Но все же идеалам его суждено было осуществиться лишь в будущем. Между тем Карамзин проповедывал такие «идеалы», которые были уже осуществлены или осуществлялись всем складом жизни русского дворянства. Во второй статье пушкинского цикла Белинский писал:

«Есть два рода деятелей на всяком поприще: одни своими делами творят новую эпоху, действуют на будущее; другие действуют в настоящем и для настоящего. Первые бывают не признаны, не поняты, не оценены и часто даже гонимы и ненавидимы своими современниками; их апофеоза создается в будущем, когда уже самые кости их истлеют в могиле; вторые — всегда любимцы и властелины своего времени, но, уваженные, превознесенные и счастливые при жизни своей, они получают уже совсем не то значение после их смерти, а иногда и переживают свою славу. Без сомнения, первые выше вторых, ибо это натуры великие и гениальные, тогда как вторые — только сильно и ярко даровитые натуры. Первые, если они действуют на литературном поприще, завещают потомству творения вечные, неумирающие; вторые — пишут для своих современников, и их произведения для будущих поколений получают уже не безусловное, но только историческое значение, как памятники известной эпохи. К числу деятелей второго разряда принадлежит Карамзин...» (XI, 219—220). Многозначием Белинский намекнул на то, что он лишен возможности назвать представителя деятелей первого разряда. Таким мог быть только Радищев. Мы вполне присоединяемся к мнению Н. И. Мордовченко, впервые обратившему на это внимание.¹

При всем различии между деятелями первого и второго типа — и те, и другие, по убеждению Белинского, вносили соответственный вклад в дело строительства великой русской общенациональной литературы, становление которой завершилось в творчестве Пушкина. По словам Чернышевского, «через него разлилось литературное образование на десятки тысяч

¹ Н. И. Мордовченко. Белинский и литература его времени. Гослитиздат, 1950, стр. 187.

людей... Он первый возвел у нас литературу в достоинство национального дела...».¹ Пушкин совершил исторический подвиг, опираясь на достижения всех русских писателей предшествующей эпохи. В этом смысле и надо понимать образное выражение Белинского, сравнившего Пушкина с великой рекой, вобравшей в себя воды всех малых рек и даже ручейков.

4

Прежде всего как создателя общенациональной литературы Белинский и называл Пушкина поэтом формы по преимуществу. Пушкин достиг того, к чему стремились все выдающиеся русские писатели на протяжении всего XVIII и первых двух десятилетий XIX века, — он создал национальную литературную форму, с помощью которой стало возможным всестороннее и глубокое изображение русской национальной действительности в целях духовного воспитания русского народа. Именно Пушкину в заслугу ставит Белинский создание национальной литературной формы, а не Гоголю и не Лермонтову.

Действительно, Белинский не отрывал формы от содержания. Пушкина он называл первым поэтом действительной жизни в России. Только воплотив в своем творчестве всю полноту содержания русской национальной жизни, Пушкин сумел создать и русскую национальную форму. Этим Пушкин обязан своему гению и той колоссальной работе, которая была проделана его предшественниками. Однако основной причиной успеха Пушкина было то, что Отечественная война 1812 года, героическая борьба русского народа с нашествием Наполеона, сокрушение наполеоновской армии, против которой не могла устоять ни одна страна, кроме России, — что все это с небывалой дотоле полнотой и глубиной раскрыло могучие духовные силы русского народа, русского национального характера. Пушкин имел огромные преимущества перед всеми своими предшественниками в смысле того содержания, которое давало его творчеству русская жизнь. Громадный патристический подъем в России, рожденный войной 1812 года, послужил почвой для возникновения революционного декабристского движения, сообщившего поэзии Пушкина особую политическую направленность. Пушкин стал одновременно певцом патриотизма и певцом свободы.

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, Гослитиздат, 1949, стр. 475.

Как любил говорить Белинский, Пушкин писал о России и для России. Пушкин поставил в своих произведениях коренные проблемы исторического развития России — ее прошедшего, настоящего и будущего. С исключительной силой он показал решающую и определяющую роль народа в истории страны. Решение этих задач было доступно только великому художнику-реалисту. Выполняя свою историческую миссию, Пушкин стал основоположником реализма в русской литературе. Формула Белинского — Пушкин поэт формы по преимуществу — имеет поэтому и второе значение: Пушкин является создателем реалистического метода.

Называя Пушкина поэтом формы по преимуществу, Белинский подразумевал и его великие заслуги перед русской литературой и исторически обусловленную ограниченность пушкинского реализма. Само собой разумеется, что реализм Пушкина — явление, исторически обусловленное. Но это не дает никаких оснований утверждать, что форме Пушкин отдавал предпочтение перед содержанием. В тех случаях, когда Белинский говорит это, он исходит или из неверной посылки относительно того, что русская национальная литература сложилась путем сращения русского содержания с заимствованной на Западе литературной формой, или из того, что ни один из предшественников Пушкина не был вполне и до конца художником, что до появления Пушкина русская литература не обладала средствами всестороннего изображения русской действительности. Только Пушкин полностью овладел ими. Он был первым художником на Руси. Белинский иногда допускает мысль, будто главная заслуга Пушкина и сводилась к тому, что он стал первым русским писателем-художником. Вот как Белинский определяет пафос пушкинской поэзии:

«В Шекспире, вас... останавливает прежде всего не художник, а глубокий сердцеведец, мирообъемлющий созерцатель; художество же в нем как будто признается вами без всяких слов и объяснений... В поэзии Байрона, прежде всего обоймет вашу душу ужасом удивления колоссальная личность поэта, титаническая смелость и гордость его чувств и мыслей. В поэзии Гете, перед вами выступает поэтически-созерцательный мыслитель, могучий царь и властелин внутреннего мира души человека. В поэзии Шиллера, вы преклонитесь с любовью и благоговением перед трибуном человечества, провозвестником гуманности, страстным поклонником всего высокого и нравственно-прекрасного. В Пушкине, напротив, прежде всего увидите художника, вооруженного всеми чарами поэзии, призванного для искусства, как для искусства, исполненного»

любви, интереса ко всему эстетически-прекрасному, любящего все, и потому терпимого ко всему. Отсюда все достоинства, все недостатки его поэзии, — и если вы будете рассматривать его с этой точки, то с удвоенною полнотою насладитесь его достоинствами и оправдаете его недостатки, как необходимое следствие, как оборотную сторону его же достоинств...» (XI, 376, 377).

Заметим, что это сказано Белинским в 1843 году.

Ставя Пушкина, как равного, в один ряд с гениальными мировыми поэтами, Белинский, в известном смысле, и противопоставляет его им. Гомер, Шекспир, Байрон, Гете, Шиллер — величайшие художники, они владеют всеми средствами искусства, как искусства. Но, помимо того, каждый из них обладает еще особой, индивидуальной чертой, определяющей его место в истории мировой литературы. Пушкин же, в отличие от них, только величайший художник, утвердивший в России поэзию, литературу вообще, как искусство.

Мы не можем согласиться с этим. Сам Белинский анализом творчества Пушкина показывает, что его сопоставление Пушкина с мировыми поэтами страдает односторонностью. По характеристике самого же Белинского Пушкин потому и стал величайшим художником, потому и утвердил окончательно на Руси поэзию, как искусство, что он выразил в своем творчестве важнейший акт в развитии самосознания русского народа, обусловленный всем ходом исторических событий.

Таким образом, формулировка Белинского, перешедшая затем к Чернышевскому и Добролюбову относительно того, что Пушкин — поэт формы по преимуществу, является закономерным выводом из его историко-литературных взглядов. Она, как видим, выражает и силу их, и некоторую слабость. Эта слабость есть следствие, с одной стороны, просветительских тенденций в исторической концепции критика, а с другой — противоречивых суждений о природе художественности. В сущности говоря, Белинский всегда стоял на точке зрения единства формы и содержания в художественном произведении. Он считал, что само понятие «художественность» является исторически развивающимся. В 40-е годы Белинский утверждал, что один из первейших признаков художественности того или иного произведения — его актуальность, современность, решение в нем самых жгучих вопросов современности, соответствующее наиболее прогрессивным устремлениям эпохи. Вместе с тем и в 40-е годы он не порвал окончательно с ошибочным, неверным определением художественности, как совершенно особого качества, автономного от содержания.

Этот ошибочный взгляд на природу художественности, оставшийся непреодоленным до конца и в позднейших статьях Белинского, также отчасти сказался на трактовке Белинским Пушкина, более всего — на сопоставлении его с мировыми поэтами.

Отдельные ошибочные положения в статьях и высказываниях Белинского о Пушкине ни в малейшей степени не колеблют основных установок и принципов его гениальной концепции творчества Пушкина. Эта концепция характеризуется органическим единством исторического и эстетического подхода к творениям великого поэта. Историческое обоснование самого появления поэзии Пушкина было для Белинского конкретным выражением ее эстетической оценки.

«Наблюдая за ходом отечественной литературы, — замечает Белинский, — мы, естественно, часто должны были в прошедшем отыскивать причины настоящего, и прозревать в историческую связь явлений. Чем более думали мы о Пушкине, тем глубже прозревали в живую связь его с прошедшим и настоящим русской литературы, и убеждались, что писать о Пушкине — значит писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей» (XI, 193).

Те высокие качества, которые Пушкин привил русской литературе, должны были, в соответствии с новыми потребностями, получить дальнейшее свое развитие. Прямыми и непосредственными наследниками Пушкина, продолжателями его традиций Белинский считает Лермонтова и Гоголя: «... Лермонтов призван был выразить собою и удовлетворить своею поэзией несравненно высшее, по своим требованиям и своему характеру, время, чем то, которого выражением была поэзия Пушкина». И далее, имея в виду Гоголя и его поэму «Мертвые души», Белинский пишет: «Другой поэт, вышедший на литературное поприще при жизни Пушкина и приветствованный им, как великая надежда будущего, после долгого и скорбного безмолвия, подарил, наконец, публику таким творением, которое должно составить эпоху и в летописях литературы, и в летописях развития общественного сознания...» (XI, 192).

Словом, Пушкин при всем его величии, при всей горячей любви к нему со стороны Белинского был для критика все-таки определенным этапом в развитии русской литературы.

В чем же, с точки зрения Белинского, состоят основные черты пушкинского реализма, как важнейшего этапа на путях исторического движения русской литературы?

Рассмотрим здесь два вопроса, которые решает Белинский в отношении Пушкина: вопрос о народности Пушкина и вопрос о Пушкине, как поэте действительной жизни.

5

Белинский считал народность определяющей чертой реалистического искусства. Сама народность, однако, не была для него раз навсегда данной и неизменной. Он понимал ее исторически. Так, например, с его точки зрения, народность Гоголя и народность Пушкина, при всей общности между ними, в то же время и отличались одна от другой.

Пушкин запечатлел в своем творчестве могущество русского народа, проявленное им с исключительной, небывалой силой в победе над Наполеоном, в освобождении от наполеоновского гнета народов Европы. Пушкин запечатлел в своем творчестве любовь русского народа к своей родине, его духовную красоту, его ненависть к строю угнетения и эксплуатации, неугасимое стремление к свободе. Произведения Пушкина отличаются высокой гуманностью, защитой прав и достоинств человека, независимо от его положения в обществе. Творчество Пушкина пронизано горячей верой в великое и прекрасное будущее России, русского народа и русской культуры. В Пушкине нашли выражение все лучшие свойства русской нации на определенном этапе ее исторической жизни. Он создал целую галерею образов положительных героев.

«Поэзия Пушкина, — провозглашает Белинский, — удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу, или русские характеры: на этом основании, общий голос нарек его русским национальным, народным поэтом. . .» (XI, 389).

Как истинный народный и национальный поэт, Пушкин постиг сущность русского национального характера, национальных русских традиций. Развивая эту мысль, Белинский пишет: «Чтоб верно изображать какое-нибудь общество, надо сперва постигнуть его сущность, его особенность, — а этого нельзя иначе сделать, как узнав фактически и оценив философски ту сумму правил, которыми держится общество. У всякого народа две философии: одна ученая, книжная, торжественная и праздничная, другая — ежедневная, домашняя, обиходная. Часто обе эти философии находятся более или менее в близком соотношении друг к другу; и кто хочет изображать общество, тому надо познакомиться с обеими, но последнюю особенно необходимо изучить. Так точно, кто хочет узнать

какой-нибудь народ, тот прежде всего должен изучить его — в его семейном, домашнем быту. Кажется, что бы за важность могли иметь два такие слова, как, напр., *авось* и *живет*, а между тем они очень важны и, не понимая их важности, иногда нельзя понять иного романа, не только самому написать роман. И вот глубокое знание этой-то обиходной философии и сделало *Онегина* и *Горе от ума* произведениями оригинальными и чисто русскими» (XII, 85).

Народность Пушкина Белинский подтверждает анализом всего его творчества. Но особое значение в этом отношении он придает «Евгению Онегину», как центральному пушкинскому произведению. «Евгений Онегин», по определению Белинского, «есть поэма *историческая* в полном смысле слова, хотя в числе ее героев нет ни одного исторического лица» (XII, 74). С другой стороны, «Евгения Онегина» Белинский называет энциклопедией русской жизни. Историческим произведением искусства, по мысли Белинского, будет то, которое отражает те или иные существенные черты той или иной эпохи. Что касается «Евгения Онегина», в нем, как указывает Белинский, отражена эпоха «двадцатых годов текущего т. е. XIX столетия» (XII, 89). Одной из самых характерных особенностей этой эпохи было появление среди передовых слоев дворянства людей типа Евгения Онегина, т. е. таких, которые не удовлетворялись ни существующими условиями жизни, ни самими собой. Значительность образа Онегина, как его истолковывает Белинский, в том и состоит, что он выражал мысль поэта о необходимости коренных перемен в существующем строе. И эта мысль поэта соответствовала интересам народа.

Таким образом, основной признак народности художника — его способность быть духовным вождем народа. Эту способность Белинский и признавал за Пушкиным.

Вместе с тем Белинский считал, что русская литература уже в 30-е, а тем более в 40-е годы должна была идти дальше Пушкина в смысле сближения с народом, в смысле все более полного и глубокого выражения постоянно возрастающих общественных запросов народа. Пушкин, будучи истинно народным и истинно национальным поэтом, был в то же время человеком, прочно связанным с дворянством.

Принадлежность Пушкина к дворянству не мешала ему быть народным поэтом, но придавала его народности определенный характер. Самые передовые идеи эпохи 20-х годов — идеи дворянских революционеров, декабристов. Белинский, явно недооценивая связи Пушкина с декабристами, постоянно подчеркивал то обстоятельство, что его творчество питалось

передовыми идеями эпохи, каковыми могли быть только идеи декабристов. Мы не имеем возможности здесь останавливаться на том, почему Белинский не смог с надлежащей полнотой и глубиной понять и осветить вопрос о взаимоотношении Пушкина и декабристов. Это — особая тема. Для нас важно установить, что, связывая творчество Пушкина с передовыми течениями общественной мысли, Белинский тем самым логически признавал и его связь с декабристами. И если декабристы, оставаясь дворянами, могли служить делу народа, мог ему служить и Пушкин, будучи дворянином. Более того, он, собственно, потому и поднимался в своем творчестве до служения *всей* нации, *всему* народу, что идейную основу его произведений составляли идеи самых передовых представителей дворянства. Как показал В. И. Ленин, во главе идейного движения той эпохи были и могли быть только выходцы из дворянской среды.

Характеризуя декабристов, Ленин устанавливает и их величие, и их ограниченность, как революционеров.

В свете ленинской характеристики декабристов мы можем понять и указание Белинского на ограниченность народности Пушкина. В последнее время в некоторых работах о Пушкине проводится мысль о том, что Пушкин в своих зрелых произведениях был гораздо ближе к народу, нежели декабристы. Это положение следует, очевидно, признать бесспорным, хотя оно еще недостаточно аргументировано и не развернуто. Бесспорно, однако, и то, что Пушкин, решительно пошедший на сближение с народом, был тем не менее дальше от народа, нежели Белинский, дальше не только субъективно, но и объективно, т. е. в своем творчестве. Белинский много раз указывал на то, что его собственные идеологические позиции и позиции Пушкина — отнюдь не тождественны. Белинский говорит об этом даже тогда, когда защищает Пушкина от нападок за его пристрастие к дворянству, за то, что он отводит центральное место в своих произведениях дворянскому герою. Пушкин прав был, избрав главным героем своего главного произведения передового дворянина, ибо, создавая образ этого героя, он смог поставить существеннейшие вопросы эпохи. Но Белинский и на этот раз не упускает случая заявить, что его собственная позиция не является дворянской: «Что касается лично до нас, мы совсем не светские люди и в свете не бываем» (XII, 90).

Рассматривая народность Пушкина с революционно-демократических позиций, Белинский отмечает в ней два недостатка. Первый недостаток тот, что Пушкин, хотя и связал

свое творчество с судьбой русского народа, хотя и выражал его мысли и настроения, но делал это более по свойственному ему художественному инстинкту, нежели по убеждению.

«Национальный поэт, — пишет Белинский, — выражает в своих творениях и основную, безразличную, неуловимую для определения субстанциальную стихию, которой представителем бывает масса народа, и определенное значение этой субстанциальной стихии, развившейся в жизни образованнейших сословий нации. Национальный поэт — великое дело!» (XI, 389).

Пушкин потому и был русским национальным поэтом, что выражал в своем творчестве передовую мысль «образованнейших сословий», которая в той или иной мере являлась обобщением еще не осознанных народной массой тенденций в ее же собственной жизни. Но Пушкин стихийно выражал эту мысль. Утверждая это, Белинский и высказывал недооценку влияния на Пушкина декабризма, которую он, по сути дела, отменял всем своим анализом творчества Пушкина.

Все же ограничиться в этом вопросе выяснением недочетов в подходе Белинского к творчеству Пушкина невозможно.

Статьи Белинского о Пушкине, имея своим основным назначением определить роль Пушкина в истории русской литературы, в то же время формулировали те задачи, которые стояли перед русскими передовыми писателями в 40-х годах. Это были задачи более сложные, чем те, которые решал Пушкин, и в свете их становилась очевидной историческая обусловленность народности Пушкина. От передовой литературы нового исторического периода требовалось более решительно и более сознательно разоблачать крепостнический строй.

С точки зрения этих требований народность Пушкина не совсем удовлетворяла Белинского. «Обращаясь к Пушкину, — замечает он, — мы скажем, по поводу вопроса о его национальности, что он не мог не отразить в себе географически и физиологически народной жизни, ибо был не только русский, но притом русский, наделенный от природы гениальными силами; однакож в том, что называют народностью или национальностью его поэзии, мы больше видим его необыкновенно великий художнический такт. Он в высшей степени обладал этим тактом действительности, который составляет одну из главных сторон художника» (XI, 389).

Напомним еще раз, что Белинский говорит о недостатках реализма и народности Пушкина с точки зрения тех требований, которые предъявлялись к русской литературе новой исторической эпохой. По Белинскому, послепушкинская литература должна была в этом отношении пойти гораздо дальше Пуш-

кина, развивая и углубляя его традиции. Так что речь шла не о том, чтобы отменить или даже изменить принципы пушкинской народности, но о том, чтобы разрабатывать их в соответствии с новыми требованиями новой эпохи.

Для Белинского Пушкин был самым глубоким выразителем духа своего времени. Но так как Белинский признавал, что Россия, особенно после победоносной войны 1812 года, стремительно двигалась вперед по пути прогресса, то он не мог не рассматривать Пушкина как звено в общей цепи растущей и развивающейся русской литературы. То, что Пушкин не отвечал на все запросы *новой* эпохи, было для Белинского одновременно и доказательством величия Пушкина, как сына своего времени, и доказательством могущества духа русского народа, который выдвинул достойных преемников Пушкина — Лермонтова и Гоголя.

В восьмой статье пушкинского цикла мы читаем: «...самые недостатки *Онегина* суть в то же время и его величайшие достоинства: эти недостатки можно выразить одним словом — «старо»; но разве вина поэта, что в России все движется так быстро? — и разве это не великая заслуга со стороны поэта, что он так верно умел схватить действительность известного мгновения из жизни общества? Если б в *Онегине* ничто не казалось теперь устаревшим или отсталым от нашего времени, — это было бы явным признаком, что в этой поэме нет истины, что в ней изображено не действительно существовавшее, а воображаемое общество: в таком случае, что ж бы это была за поэма, и стоило ли бы говорить о ней?..» (XII, 89).

Итак, по Белинскому, время опередило Пушкина. В то же время, с точки зрения Белинского, Пушкин опередил свое время. Белинский считает, что поэзия Пушкина всегда будет иметь огромное значение в воспитании русского национального характера. «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, благоуханное и грациозное во всяком чувстве Пушкина. В этом отношении, читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека, и такое чтение особенно полезно для молодых людей обоюбого пола. Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства». И дальше: «...чтение Пушкина должно сильно действовать на воспитание, развитие и образование изящно-гуманного чувства в человеке» (XI, 395, 398).

Сравнивая «Цыган» с «Кавказским пленником» и «Бахчисарайским фонтаном», Белинский писал: «Мы хорошо помним

это время, помним, как многие были неприятно разочарованы „Цыганами“ и говорили, что „Кавказский пленник“ и „Бахчисарайский фонтан“ гораздо выше новой поэмы. Это значило, что поэт вдруг перерос свою публику и одним орлиным взмахом очутился на высоте, недоступной для большинства. В то время, как он уже сам беспощадно смеялся над первыми своими поэмами, его добродушные поклонники еще бредили *Пленником, Черкешенкою, Зарею, Марию, Гиреем, Братьями-разбойниками*, и только по какой-то робости похваляли „Цыган“, или боясь окомпрометировать себя, как образованных судей изящного, или детски восхищаясь песнью Земфиры и сценою убийства. Явный знак, что Пушкин уже перестал быть выразителем нравственной настроенности современного ему общества, и что отселе он явился уже воспитателем будущих поколений» (XII, 28).

Из дальнейших рассуждений Белинского видно, что причину разрыва Пушкина с современным ему обществом критик видит в резком повороте поэта к реализму, в твердом вступлении его на реалистический путь творчества. При помощи реалистического метода Пушкин раскрывал во всей глубине реальные противоречия русской действительности той эпохи. Современники поэта в своей основной массе не были подготовлены к тому, чтобы воспринять и оценить это. Отсюда и охлаждение их к Пушкину, то равнодушие, с которым они встретили самые зрелые произведения его. Оценить их суждено было лишь будущим поколениям. «Но поколения возникают и образуются не днями, а годами, и потому Пушкину не суждено было дожидаться воспитанных его духом поколений — своих истинных судей. „Цыганы“ произвели какое-то колебание в быстро возраставшей до того времени славе Пушкина; но после „Цыган“ каждый новый успех Пушкина был новым его падением, — и „Полтава“, последние и лучшие две главы „Онегина“, „Борис Годунов“ были приняты публикою холодно, а некоторыми журналистами с ожесточением и с оскорбительными криками безусловного неодобрения» (XII, 28—29).

Пушкина смогло оценить только поколение Белинского. Так устанавливается прямая связь и преемственность между поколением Пушкина и поколением Белинского. Белинский потому и оценил Пушкина со всеми его великими достоинствами, что сам был воспитан *его духом*.

Пушкин опередил эпоху, и эпоха опередила Пушкина — эти два внешне противоречивых утверждения Белинского в действительности не противоречат одно другому.

«Публика, с одной стороны, не была в состоянии оценить художественного совершенства его последних созданий (и это, конечно, не вина Пушкина); с другой стороны, она вправе была искать в поэзии Пушкина более нравственных и философских вопросов, нежели сколько находила их (и это, конечно, была не ее вина). Между тем, избранный Пушкиным путь оправдывался его натурою и призванием: он не пал, а только сделался самим собою, но по несчастию в такое время, которое было очень неблагоприятно для подобного направления, от которого выигрывало искусство и мало приобретало общество» (XI, 401).

Не только рядовой читатель из передового слоя дворянства не мог понять и оценить великих реалистических произведений Пушкина, — этого не в силах были сделать до конца даже декабристы. Реалистический метод, разрабатывавшийся Пушкиным, выводил его за рамки декабристской идеологии. И когда Белинский говорит о том, что Пушкин опередил свое время, он, конечно, имеет в виду и это обстоятельство, и еще более то, что в творчестве Пушкина поставлены такие вопросы, которые никогда не утратят своего значения для человечества, особенно для русского народа.

Реалистические произведения Пушкина, изображая жизнь во всей ее сложности и со всеми ее действительными противоречиями, подводили поэта к вопросу о роли народа в историческом развитии общества.

Вместе с тем эпоха Пушкина — это эпоха формирования поколения Белинского. Без поэзии Пушкина была бы немислима эстетика и критика Белинского. Воспитавшись во многих отношениях на Пушкине, Белинский затем дал гениальную оценку Пушкину. Но духовные запросы Белинского (как и поколения, к которому он принадлежал), ставшего в 40-х годах революционным демократом, уже в 30-е годы не смогли вполне удовлетвориться идейным содержанием творчества Пушкина. Имея это в виду, Белинский и говорит о том, что Пушкин отстал от своей эпохи.

Следовательно, требуя дальнейшего развития традиций народности Пушкина, Белинский требовал того, чтобы народность русской литературы соответствовала революционно-демократической идеологии.

Время поставило перед послепушкинской литературой вопросы, которые не стояли перед Пушкиным. Однако Пушкин ответил в своем творчестве на такие вопросы, которые были важны не только для его времени. Пушкин — певец патриотизма и свободы. И эти качества его поэзии никогда не могут

устареть. На всех этапах исторического развития России, при всех изменениях, которые происходили в условиях общественно-политической жизни русского народа и в его самосознании, чувства его горячей любви к Родине и свободе всегда были и поныне остаются наиболее характерными для него.

Вот почему поэзия Пушкина навсегда сохранит свое воспитательное значение.

6

Народным поэтом может быть только поэт действительной жизни. В реалистическом воспроизведении этой последней именно народ прежде всего и заинтересован. В то же время выражение тем или иным поэтом народной точки зрения — важнейшая предпосылка реального воспроизведения действительной жизни в его произведениях.

Две проблемы, о которых здесь идет речь, хотя и тесно связаны между собой, но не тождественны.

Говорить о народности Пушкина — это значит говорить преимущественно о том, в какой мере Пушкин отразил в своем творчестве сущность русского национального характера и выразил его духовные запросы.

Говорить о Пушкине, как поэте действительной жизни, это значит говорить о том, как решается в его творчестве вопрос о взаимоотношении человека и окружающей его среды, о власти среды над человеком и о возможности человека возвыситься над средой.

«Поэзия Пушкина, — утверждает Белинский, — удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу, или русские характеры. . .». Белинский рекомендует читателям Пушкина: «Прочтите его чудную драматическую поэму „Русалка“: она вся насквозь проникнута истинностью русской жизни; прочтите его тоже чудную драматическую поэму „Каменный Гость“: она, и по природе страны и по нравам своих героев, так и дышит воздухом Испании; прочтите его „Египетские Ночи“: вы будете перенесены в самое сердце издыхающего древнего мира. . . Если он с такою истиною рисовал природу и нравы даже никогда не виданных им стран, как же бы его изображения предметов русских не отличались верностью природы?» (XI, 389, 390).

Пушкин уничтожил разрыв между поэзией и действительностью. Но он достиг этого благодаря тому, что для него

человек и действительность, окружающий его мир, представляли собой нечто единое и целое, хотя и глубоко противоречивое.

«Пушкин не дает судьбе победы над собою; он вырывает у ней хоть часть отнятой у него отрады. Как истинный художник, он владел этим инстинктом истины, этим тактом действительности, который на „здесь“ указывал ему как на источник и горя и утешения, и заставлял его искать целения в той же существенности, где постигла его болезнь. И, право, в этой силе, опирающейся на внутреннем богатстве своей природы, более веры в промысл и оправдания путей его, чем во всех заоблачных порываниях мечтательного романтизма» (XI, 386).

Пушкин, как реалист, показывал в своих произведениях законосообразность явлений окружающей жизни.

Пушкин, как реалист, устанавливал и зависимость духовного и нравственного мира человека от условий, в которых он живет.

Однако сами эти условия не являются неизменными. С течением времени они изменяются и развиваются, а следовательно, изменяется и развивается духовный и нравственный мир человека, причем это движение и развитие совершается не только вследствие движения и развития самой действительности, но и вследствие расширяющегося и углубляющегося понимания ее человеком.

Чем шире и глубже представления человека об окружающем его мире, тем разностороннее и богаче его духовный мир. Познавая действительность, человек духовно растет и развивается. Познавание действительности невозможно без оценки ее, без отношения к ней. Вследствие этого человек в своем духовном и нравственном развитии может возвыситься над непосредственно окружающими его условиями жизни, стать в отрицательное отношение к ним. Это и случается с некоторыми героями Пушкина, в том числе и с Евгением Онегиным.

По определению Белинского, «Онегин — характер действительный, в том смысле, что в нем нет ничего мечтательного, фантастического, что он мог быть счастлив или несчастлив только в действительности и через действительность» (XII, 111).

Та действительность, в которой приходилось жить Онегину, не могла удовлетворить его. В ней он не мог чувствовать себя счастливым. Онегина Белинский причисляет к лучшим представителям «образованнейшего сословия», которые под влия-

нием патриотического подъема, вызванного Отечественной войной 1812 года, задумались над многими существенными вопросами общенациональной жизни. В связи с этим знание действительности у Онегина несравненно богаче, нежели у обыкновенного дворянина того времени. Взгляды и понятия Онегина существенно отличаются от обычных взглядов и понятий его среды. «...Онегин не был ни холоден, ни сух, ни черств, ... в душе его жила поэзия, ... вообще он был не из числа обыкновенных, дюжинных людей» (XII, 96). «Онегин — не Мельмот, не Чайльд-Гарольд, не демон, не пародия, не модная причуда, не гений, не великий человек, а просто — „добрый малый, как вы да я, как целый свет“. Поэт справедливо называет „обветшалую модою“ везде находить или везде искать все гениев да необыкновенных людей. Повторяем: Онегин — добрый малый, но, при этом, недюжинный человек. Он не годится в гении, не лезет в великие люди, но бездельность и пошлость жизни душат его; он даже не знает, чего ему надо, чего ему хочется; но он знает, и очень хорошо знает, что ему не надо, что ему не хочется того, чем так довольна, так счастлива самолюбивая посредственность. И зато эта самолюбивая посредственность не только провозгласила его „безнравственным“, но и отняла у него страсть сердца, теплоту души, доступность всему доброму и прекрасному» (XII, 99).

Онегин — недюжинный человек. Он более широко связан с миром, чем люди его круга. В то время, как для них, например, крестьянин существовал лишь в качестве крепостного тягла, для Онегина он был человеком. Онегин так или иначе стремился познать, понять и облегчить участь крестьянина. Он задумывается о стране в целом, о ее развитии, о взаимоотношении с другими странами.

Рост духовного и нравственного мира Онегина Пушкин рисует на фоне всей жизни страны, всех ее сословий. Иначе и не могло быть. Онегин — это человек, много видевший и много думавший. В этом и состоит его превосходство над людьми своего круга: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей», разумеется не людей вообще, а людей определенной категории.

Отсюда понятно, почему роман, центральным героем которого является дворянин, лучший представитель «образованнейшего слоя», стал энциклопедией русской жизни.

Пушкин, как величайший реалист, с огромной силой раскрывал диалектику взаимоотношения человека и действительности. Это давало ему возможность, во-первых, правдиво и

глубоко изображать людей различных сословий и классов во всей психологической сложности и противоречивости; во-вторых, отражать действительность страны в целом.

Метод реалистического изображения человека во взаимосвязях со средой, открывший возможность показывать не только зависимость человека от среды, но, и, при известных условиях, возвышение его над средой, Белинский считал величайшим завоеванием Пушкина. Белинский ставил перед современной ему литературой задачу продолжения и развития пушкинских традиций в этом отношении. В статьях о Пушкине и в других своих работах последних лет жизни он довольно часто возвращается к этому вопросу.

Современная ему действительность не удовлетворяла Пушкина, как и его лучших героев. В этом величайшее достоинство поэзии Пушкина.

Не удовлетворяясь окружающей действительностью, Пушкин и его лучшие герои ищут выхода не в «заоблачных мечтаниях», а в той же самой действительности. Именно за это и ценит Белинский Онегина. Другое дело, что Онегин не мог найти никакого выхода. За это нельзя винить ни его самого, ни Пушкина. Вина за это лежит на той же самой действительности. Онегин хотя и осудил ее, но порвать с нею не смог. «Что-нибудь делать можно только в обществе, на основании общественных потребностей, указываемых самою действительностью, а не теориею; но что бы стал делать Онегин в сообществе с такими прекрасными соседями, в кругу таких милых ближних?» (XII, 101).

Обращение Пушкина к действительности, как к источнику и средству, с помощью которых можно устранить ее же собственные недостатки, Белинский опять-таки рассматривал как величайшее достоинство его поэзии.

Но Белинский не ограничивается установлением того, что реалистический метод, созданный Пушкиным, давал возможность изображения действительности во всей ее исторически и социально обусловленной противоречивости, позволял вскрывать ее пороки и осуждать их. Белинский ставит вопрос о качестве самого осуждения отрицательных сторон действительности в реализме Пушкина. С точки зрения исторических требований новой эпохи и своей материалистической эстетики Белинский отмечает некоторые недостатки пушкинского реализма в этом плане.

То, что Пушкин изображает, как говорит Белинский, диссонансы в окружающих его условиях жизни, — это критик объявляет его огромным достижением. Но само отношение

Пушкина к этим диссонансам не вполне удовлетворяет Белинского. Здесь, в сущности говоря, Белинский из области рассмотрения реализма Пушкина переключается в область рассмотрения непосредственно мировоззрения и политических позиций поэта. Приведем наиболее развернутое суждение Белинского на этот счет из пятой статьи пушкинского цикла.

«Так как поэзия Пушкина вся заключается преимущественно в поэтическом созерцании мира, и так как она безусловно признает его настоящее положение, если не всегда утешительным, то всегда необходимо разумным, — поэтому она отличается характером более созерцательным, нежели рефлектирующим, выказывается более, как чувство, или как созерцание, нежели как мысль. Вся насквозь проникнутая гуманностию, муза Пушкина умеет глубоко страдать от диссонансов и противоречий жизни, но она смотрит на них с каким-то самоотрицанием (*resignatio*), как бы признавая их роковую неизбежность и не нося в душе своей идеала лучшей действительности и веры в возможность его осуществления. Такой взгляд на мир вытекал уже из самой природы Пушкина; этому взгляду обязан Пушкин изящною елейностию, кротостию, глубиною и возвышенностию своей поэзии, и в этом же взгляде заключаются недостатки его поэзии. Как бы то ни было, но по своему воззрению, Пушкин принадлежит к той школе искусства, которой пора уже миновала совершенно в Европе, и которая даже у нас не может произвести ни одного великого поэта. Дух анализа, неукротимое стремление исследования, страстное, полное вражды и любви мышление, сделались теперь жизнью всякой истинной поэзии» (XI, 399).

Мысли, заключенные в приведенной цитате, не были для Белинского случайными. В тех или иных вариантах они неоднократно повторяются в его статьях.

Центральным моментом в приведенном суждении надо признать замечание Белинского о том, что Пушкин как бы признавал «роковую неизбежность» так называемых «диссонансов», что он не носил «в душе своей идеала лучшей действительности и веры в возможность его осуществления».

Здесь затронут основной вопрос мировоззрения Пушкина и его общественно-политических позиций — вопрос об отношении поэта к отрицательным сторонам современной ему действительности и о его политическом идеале. Белинский, в сущности, устанавливает противоречивость Пушкина в этом вопросе. Как художник, он правдиво воспроизводил действительность, вскрывал все ее пороки и ужасы. Как мыслитель,

он не делал из этого надлежащих выводов, не подчеркивал неизбежности падения и гибели всего устаревшего и уродливого, не показывал его исторической обреченности.

Отсюда и утверждение Белинского о превосходстве Пушкина-художника над Пушкиным-мыслителем.

Не удовлетворяясь силой отрицания в произведениях Пушкина, Белинский иногда был склонен объяснить этот недостаток великого поэта особенностью самой природы его. В других случаях, говоря о превосходстве Пушкина-художника над Пушкиным-мыслителем, Белинский исходит из своего ограниченного понимания исторического назначения Пушкина, призвание которого будто бы состояло лишь в утверждении в России литературы как искусства. Но и то и другое объяснение не могло удовлетворить самого Белинского, и он выдвигает третье объяснение. Закljučая девятую статью о Пушкине, посвященную анализу «Евгения Онегина», Белинский пишет: «Заметим одно: личность поэта, так полно и ярко отразившаяся в этой поэме, везде является такою прекрасною, такою гуманною, но в то же время по преимуществу артистическою. Везде видите вы в нем человека, душою и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого им класса; короче, везде видите русского помещика. . . Он нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности; но принцип класса для него — вечная истина. . . И потому в самой сатире его так много любви, самое отрицание его так часто похоже на одобрение и на любование. . .» (XII, 144).

Таким образом, недостаточная сила отрицания в реализме Пушкина в конечном счете объясняется, с точки зрения Белинского, прочной связью поэта с дворянской идеологией и с жизненными интересами дворянства. Поэтому, говоря о превосходстве Пушкина-художника над Пушкиным-мыслителем, Белинский имел в виду отнюдь не разрыв между творческой одаренностью поэта и его умственными силами, но социальную направленность и социальное содержание его мировоззрения. Логика реалистического искусства, основоположником которого в России был Пушкин, вела его к отрицанию существовавших форм жизни. Логика общественно-политических и жизненных позиций не давала ему возможности довести это отрицание до отрицания самих основ помещичьей жизни, вложить в него всю силу страсти, убежденности и заинтересованности. Напротив, подчиняясь логике своих общественно-политических взглядов, не выходявших за рамки дворянской идеологии, он не только не доводил до полного завершения логики

отрицания, вытекавшей из всей системы его реализма, но порой прямо ослаблял ее.

Одним из основных и важнейших принципов реалистической эстетики Белинского было утверждение необходимости слияния в искусстве художественного и мыслительного элементов. Лишь в свете этого утверждения и можно будет окончательно уяснить тезис Белинского о соотношении Пушкина-мыслителя и Пушкина-художника. Было бы крайней наивностью думать, что Белинский, требуя от современной ему передовой литературы не только высокой художественности, но и высокой идейности, считал всю литературу предшествующих эпох совершенно безидейной. Белинский имел в виду совершенно другое. Он не представлял себе подлинного произведения искусства, к какой бы эпохе оно ни относилось, без большой мысли. Требуя соединения в искусстве художественного и мыслительного элементов, Белинский требовал от него активного вмешательства в жизнь, всестороннего охвата жизненных явлений, глубокого анализа и продуманной оценки их, страстного отрицания того, что должно отрицать, и страстного утверждения того, что должно утверждать.

Говоря о соединении мыслительного и художественного элементов, Белинский, в сущности, имел в виду внесение революционно-демократических идей в современную ему передовую русскую литературу.

Для Белинского Пушкин-мыслитель гораздо ниже Пушкина-художника потому, что произведения Пушкина не поднимаются на уровень революционно-демократической идейности.

Борясь за то, чтобы передовая русская литература выполняла предназначения революционно-демократической эстетики, Белинский, естественно, должен был сказать, что пора школы Пушкина уже миновала и что Пушкин завершил круг своего развития.

Для Белинского реализм Пушкина — явление, исторически, национально и социально обусловленное. Он возник как результат, как итог длительного исторического развития русской нации и русской культуры. Будучи явлением общенационального значения, реализм Пушкина должен стать неиссякаемым источником дальнейшего духовного роста русского народа и дальнейшего подъема русской культуры.

Белинский дал не только историческое, но и эстетическое объяснение поэзии Пушкина, раскрыв ее непреходящую цен-

ность для русского человека и охарактеризовав самый метод, с помощью которого она создавалась. Исторический и эстетический подходы к Пушкину у Белинского органически взаимосвязаны. Пушкин именно потому имеет великое историческое значение, что его поэзия представляет собой неоспоримую эстетическую ценность, что она, будучи подлинным искусством, удивительно верна русской действительности. И, напротив, Пушкин именно потому имеет громадное эстетическое значение, что его поэзия своими корнями глубоко уходит в историю русской нации.

Исторически оценивая Пушкина, Белинский ни на минуту не забывает об эстетических достоинствах его поэзии, обо всем богатстве и всей прелести ее, о самой природе дарования поэта.

Белинский гениально раскрыл историческое и эстетическое значение Пушкина как выразителя целой эпохи в духовной жизни русского народа. Но, озабоченный дальнейшей судьбой русской литературы, дальнейшим ростом ее, определением дальнейших путей ее развития, он провел слишком резкую разграничительную грань между эпохой Пушкина и своей собственной эпохой, между его и своими идейными и эстетическими позициями, не отметив того, что Пушкин был не только его предшественником, но и шел навстречу ему как в плане развития своего реализма, так и в отношении своего идейного развития.

Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ДРАМАТУРГИИ ПУШКИНА

1

Драматургическое наследие Пушкина до сих пор является одной из наименее разработанных областей пушкиноведения. Весьма значительная часть дореволюционных исследований ограничивала изучение этой области пушкинского творчества лишь источниковедческой и текстологической стороной вопроса, не затрагивая проблематики самих произведений. Буржуазно-объективистские и компаративистские позиции ряда исследователей сказывались при этом в стремлении во что бы то ни стало установить зависимость Пушкина-драматурга от образцов западноевропейской драматургии и в методологически порочном решении проблемы так называемого «шекспиризма» Пушкина.

Формалистическое изучение пушкинской драматургии в пределах замкнутого жанрового ряда, развивающегося якобы по каким-то своим собственным внутренним законам, приводило к полному отрыву драматических произведений Пушкина от всего его творчества в целом. Во всех этих случаях основные и важнейшие проблемы пушкинской драматургии оставались вне сферы исследования.

Советское пушкиноведение располагает уже рядом ценных работ, посвященных отдельным проблемам и произведениям пушкинской драматургии, но у нас до сих пор еще нет больших обобщающих монографий исследовательского характера, посвященных драматургии Пушкина в целом и стоящих на уровне наших современных представлений о Пушкине.

Необходимо подчеркнуть условность самого понятия «драматургия» того или иного писателя. В этом отношении

следует исходить из того, что и «Борис Годунов», и «Каменный гость», и «Русалка», и «Сцены из рыцарских времен» — все это совершенно различные, не похожие друг на друга произведения, относящиеся к разным этапам мировоззренческого и художественного развития Пушкина и отражающие различное — на разных этапах — отношение поэта к действительности.

В то же время и «Борис Годунов», и «Каменный гость», и «Русалка», и «Сцены из рыцарских времен» написаны с учетом специфических требований их сценического воплощения, ибо «драма, — как писал Гоголь, — живет только на сцене. Без нее она как душа без тела».¹ И в этом отношении закономерна проблема изучения данных драматических произведений и с точки зрения развивающегося драматургического метода и мастерства писателя, дававших ему возможность воплощать различные идеи и образы в специфической драматической форме.

Поэтому каждое из произведений, написанных в драматической форме, отнюдь не может быть полностью понято и раскрыто путем простого сопоставления его только с другими произведениями того же жанрового ряда. Например, полностью понять «Бориса Годунова» невозможно путем сопоставления этой трагедии только с «Вадимом», «Русалкой», «Маленькими трагедиями» и «Сценами из рыцарских времен». Понять и осмыслить «Бориса Годунова» можно и единственно должно лишь на общем фоне развития Пушкина данного периода, путем соотнесения этой трагедии с целым рядом художественных задач, которые стояли перед поэтом в этот период.

Незаконченная трагедия о Вадиме должна рассматриваться с учетом всех особенностей творчества Пушкина южного периода 1820—1821 годов. Только принимая во внимание все развитие мировоззрения и творчества Пушкина этого периода, можно установить, почему трагедия осталась незавершенной и почему Пушкин никогда более к этой теме не возвращался.

Следует отличать драматические произведения от целого ряда других, которые также могут быть частично или даже полностью написаны в драматической форме, не являясь по существу произведениями драматургии. При оценке чисто драматургических свойств фрагментов пушкинских поэм,

¹ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. X, Изд. Академии Наук СССР, 1940, стр. 263.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ПЕРВОЙ и ВТОРОЙ
ВСЕСОЮЗНЫХ
ПУШКИНСКИХ
КОНФЕРЕНЦИЙ

25-27 АПРЕЛЯ 1949 Г.
и
6-8 ИЮНЯ 1950 Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1952